

Драма жизни художника Антона Куманькова: преодоление и уход или «Я слышу цвет»

Никита Покровский, доктор социологических наук, ординарный профессор,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва), npokrovsky@hse.ru

В одном из прошлых выпусков «Метаморфозиса» опубликована статья, посвященная памяти московского художника-урбаниста Евгения Ивановича Куманькова. Новый очерк посвящен истории жизни его сына – Антона Евгеньевича – который также, как и отец, связал свою жизнь с живописью. О сложной судьбе и непростом творческом пути Антона Евгеньевича рассказывает его брат – Никита Покровский.

Ключевые слова: Антон Куманьков, память, судьба, искусство, графика

Для цитирования: Покровский Н.Е. Драма жизни художника Антона Куманькова: преодоление и уход. Или «Я слышу цвет» // Метаморфозис. 2025. Т. 9. № 3. С. 127-144.

Дата поступления: 15.02.2025.

Антон Евгеньевич Куманьков (1958-2010)

Антон Куманьков у окна. Картина отца

17 февраля 1958 года в Москве в семье художника киностудии «Мосфильм» Евгения Куманькова и киноведа Марианны Владимировны Качаловой появился на свет сын Антон. 3 августа 2010 года в дни аномальной жары в Москве от гипертермии мозга и предшествующей серии врачебных ошибок скончался уже ставший известным художник Антон Евгеньевич Куманьков. Ему было 52 года. Таковы хронологические рамки жизненного пути этого замечательного человека, отмеченного преодолением роковых обстоятельств судьбы и высокими достижениями в области изобразительного искусства.

...В марте все того же далекого 1958 года поздней ночью на шоссе на подъезде к знаменитому подмосковному Переделкино машина такси, в которой находилась вся семья, включая младенца, сошла с дороги и оказалась в кювете. В ожидании подмоги ребенка застудили, и он получил глубокое воспаление легких. Дальнейшее авральное лечение с применением в те годы модного стрептомицина (ныне запрещенного) привело к полной утрате слуха. Это обнаружилось несколько месяцев спустя. Ребенку было суждено войти в этот замечательный и полифоничный мир без какого бы то ни было звукового и речевого опыта как такового. (Иногда и по сей день я крепко-накрепко затыкаю уши и пытаюсь представить себе, как это может быть – не слышать мир. Вообще. Через какое-то время у меня наступает паническая реакция.)

Отец и сын. Архив семьи Куманьковых

...Началась нескончаемая эпопея возвращения Антона к полнокровной жизни. Его жизнь была особой, совсем непохожей на нашу.

Со временем, когда ушли на второй план нескончаемые попытки врачебно вернуть слух ребенку, попытки, перемежавшиеся взлетом оптимистических надежд и тотальным кризисом поражений, наступил черед педагогики. Педагоги (прежде всего Лидия Сергеевна Виноградова из клана сурдопедагогов семьи Рау) учили мальчика понимать речь с губ говорящего. Занятия проходили у нас дома в многочасовом ежедневном режиме. И в итоге свершилось подлинное чудо: Антон заговорил и стал понимать слова, обращенные к нему. Да, это не было стопроцентное понимание, но это было понимание.

Пока шло обучение речи вопрос о посещении начальной общеобразовательной школы не вставал. Где-то на самом раннем этапе развернувшейся драмы родители Антона приняли стратегическое решение: не включать ребенка в систему специального образования, а всеми силами попытаться инкорпорировать его в среду слышащего общества. Сегодня это называется инклюзией. И чудо произошло. Ребенок стал своим среди всех. Быть может, немного инаковым, но, в принципе, своим и даже очень приятно-привлекательным. Общительность, природное обаяние, отзывчивость – все это делало Антона желанным и в среде взрослых, и среди детей. Взрослые могут по праву оценить чудо, сверстники Антона вообще ничего не замечали.

В течение многих (именно многих!) лет отец Антона, Евгений Иванович Куманьков, практически каждый день брал сына с собой в свою мастерскую на улице Вавилова рядом с Черемушкинским рынком. Там занятия по отта-

чиванию речевых навыков продолжались уже в исполнении отца, делавшего карточки со словами, разбитыми на слоги и рисунками на обратной стороне. (Возможно, эти карточки сохранились и по сей день в архиве семьи.) Потом Антон с свойственной детям непосредственностью пускался в путешествие по другим мастерским художников, коих в корпусах было (и по-прежнему есть!) множество. Так Антон стал любимцем художественного сообщества Москвы, ну почти что всей Москвы. Как-то исподволь, чисто по-детски, он и сам стал брать в руки мелки, кисти и карандаши, дефицита коих в мастерских на Вавилова не наблюдалось.

По прошествии некоторого времени отец, будучи абсолютно бескомпромиссным в оценке талантов, стал в некотором раздумье и с похмыкиванием оценивать детские работы Антона, отмечая, прежде всего, его чувство цвета, колористку.

Но годы шли и домашнее образование в семье Куманьковых начинало изживать себя. В те годы оно не было легализовано. Существовала исключительно «единая» «советская» школа, которая только и могла дать путевку в жизнь. Что касается специальных школы для неслышащих детей, то такая альтернатива была отвергнута семьей на самом раннем этапе. Будущее Антона виделось в среде слышащего сообщества. И тогда как-то исподволь в семейном кругу зазвучало имя Московской средней художественной школы имени В.И. Сурикова (МСХШ), находившаяся аккурат напротив Третьяковской галереи в Лаврушинском переулке. Дело в том, что эта школа начиналась с пятого класса и с опережением давала художественное образование высокого уровня притом, и предполагалось по умолчанию, что общеобразовательные предметы в устном формате были словно бы на втором плане, не столь важны. Это в целом подходило Антону. Но на первом же этапе зачисления против Антона поднялся директор школы, художник Н.И. Андрияка, прямо заявивший родителям, что при всех возможных художественных талантах Антона, в МСХШ он учиться не будет по причине своего недуга, ибо таких учеников в МСХШ никогда не было и не будет. В ответ пришлось продемонстрировать работы Антона президенту Академии художеств, скульптору Николаю Васильевичу Томскому, который одним телефонным звонком в достаточно грозном стиле и в порядке вертикали соподчинения сломил сопротивление директора школы.

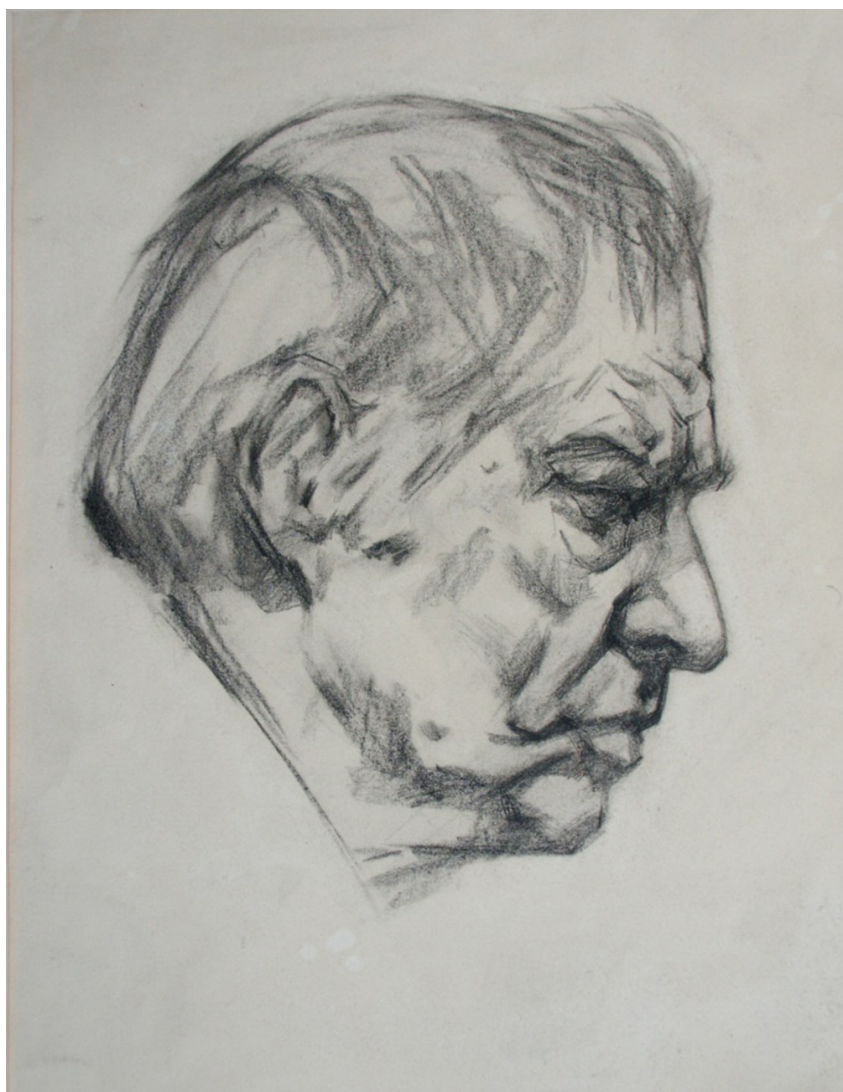
К кому-то пришли... 1987

Так обозначилась и началась дорога Антона Куманькова в искусстве. В кругу семьи этот поворот событий неоднократно обсуждался с различных сторон.

Помимо открывавшихся художественных способностей звучал и такой аргумент: в профессии художника все же главное не столько язык (речевая коммуникация), сколько «язык» изображения, искусства. И этот аргумент сполна себя оправдал. Антон весьма успешно проходил курс МСХИ и сходно и без всяких сложностей поступил в Московский государственный академический художественный институт имени В.И. Сурикова. Тут уже все было проще и никакого давления со стороны руководства Академии художеств не потребовалось. Началась студенческая жизнь молодых художников. Еще в школе Антон уже сполна погрузился в атмосферу «показов», «выставок», «пленэров» и прочих атрибутов повседневности художников. С некоторым умыслом произошел в институте и выбор специальности. Ею стала графика, притом именно книжная графика. С одной стороны, еще в МСХИ Антон стал тяготеть именно к графике. С другой стороны, именно книжная графика представлялась и семье, и самому Антону наиболее «интеллектуальной» об-

ластью изобразительного искусства, наполненной погружением в литературу, работой с известными писателями, редакторами и издательствами. Так оно и случилось.

Правда, еще в школе и позднее в институте раскрылся один знаменательный сюжет, во многом повлиявшей на творчество будущего художника. Отец, Евгений Иванович Куманьков, к тому времени (1974 года) ставший главным художником Малого театра, постоянно выезжал с театром на гастроли и часто брал Антона с собой. И вот на гастролях Антон принялся делать графические портреты актеров, в том числе и самых известных, скажем, М.И. Царева, И.В Ильинского, Е.Н. Гоголевой, И.М. Смоктуновского, Е.В. Самойлова, Ю.М. и В.М. Соломиных, Э.Е. Марцевича, В.А. Коняева и многих других корифеев Малого театра.

Портрет актера Михаила Царева

Актеры не возражали позировать молодому художнику, с удовольствием отдыхая после репетиций и спектаклей, к тому же и благородно поддерживая тем самым молодой талант. Впоследствии все работы этой многолетней серии перешли в собрание музея Малого театра, где и находятся поныне. Антон, несмотря на свою проблему, источавший радость, оптимизм, жизнелюбие буквально стал своим в стенах Малого театра, своего рода «сыном полка». Его стали приглашать самостоятельно оформлять спектакли. Одно время стали даже поговаривать, что со временем он мог бы заменить своего отца на посту главного художника. Но этому не суждено было сбыться.

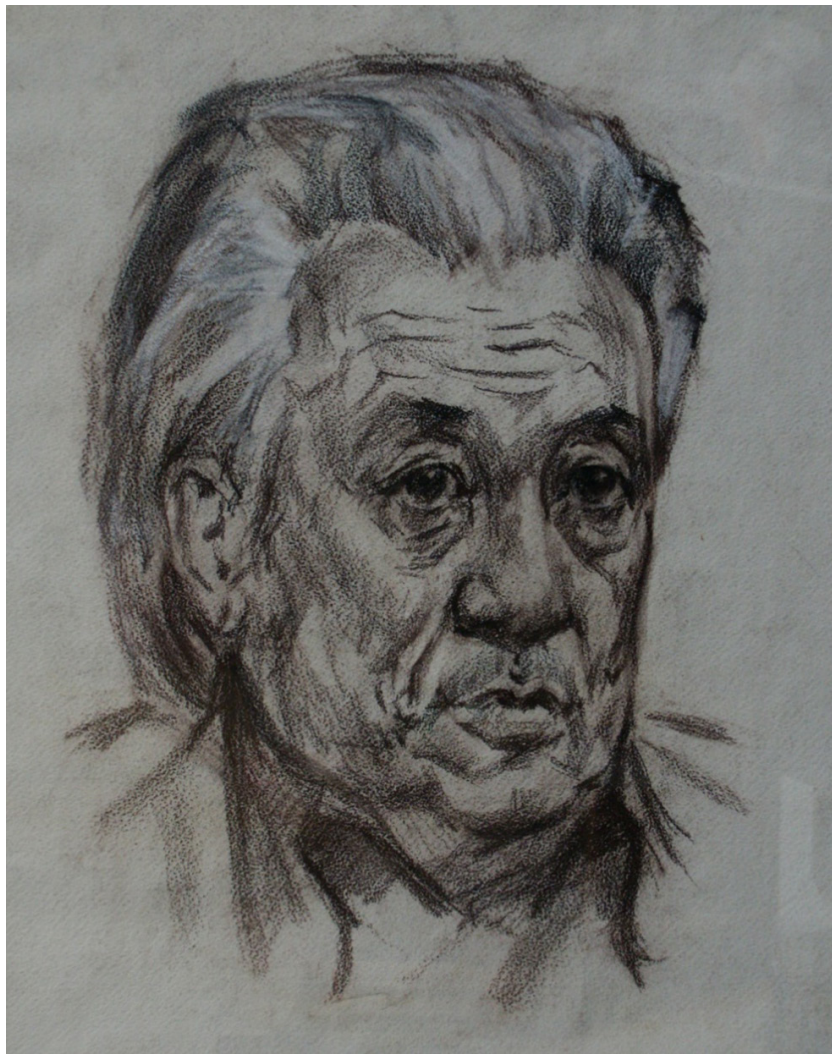

Солистка балета Большого театра Ксения Рябинкина

Работая над портретами актеров Малого театра, Антон постепенно расширил круг своих портретных интересов. Он создал прекрасные и во многом уникальные портреты выдающегося пианиста Станислава Нейгауза, композитора Георгия Свиридова, писателей Юрия Нагибина и Альберта Лиханова, многих других.

Здесь, конечно, немалую роль сыграла и мать Антона, Марианна Владимировна Качалова. Работая на «Мосфильме», в силу своего положения она

контактировала со «сливками» советской творческой интеллигенции, ведь советская «фабрика грез» была великим аттрактором для всех. И ее подсказки Антону играли определенную роль в устройстве портретных сеансов с великими.

Писатель Юрий Нагибин

В галерее, созданной Антоном, особняком стоит портрет гениального философа Алексея Лосева. Тут уж свою миссию исполнил я, ваш покорный слуга. Дело было так...

Портрет А.Ф. Loseва

По моей тогдашней работе меня связывали дружеские коллегиальные отношения с Леонидом Витальевичем Головановым, видным журналистом, специализировавшимся в области научной журналистики философского плана. Леонид хорошо знал семью Loseвых и проводил немало времени в кругу Алексея Федоровича и его супруга Азы Алибековны Тахо-Годи. И сейчас я не помню, у кого точно возникла идея сделать портрет Loseва в исполнении Антона. То ли у Леонида Голованова, знавшего о портретных увлечениях Антона, то ли у меня, почитавшего Loseва превыше всех живых философов. Как бы то ни было, приглашение состоялось и как-то вечером мы отправились с Антоном на старый Арбат в квартиру Loseвых. Аза Алибековна открыла дверь и радушно провела нас в гостиную. Усадила за большой стол. Через несколько минут из глубины квартиры вышел и сам Loseв. Не берусь словесно рисовать его облик. Я был в некотором эмоциональном шоке от переживания великого момента. Традиционные приветствия перешли в длительную беседу. Антон нашел свою точку создания портрета и, можно сказать, ушел

со сцены. Был Лосев и был я несчастный перед лицом гения. И никого больше. Я трепетал. Задав пару дежурных вопросов о том, кто я и что я, Алексей Федорович перешел к монологу, который фактически продлился два часа в течение всего портретного сеанса.

Невидящим взором, глядя в пространство (Лосев полностью потерял зрение как следствие тяжелых физических работ в лагере на Соловецкий островах), Алексей Федорович нащупал початую коробку с шоколадными конфетами и время от времени брал то одну, то другую шоколадину и с удовольствием отправлял их себе в рот. Тихим ровным голосом он как-то незаметно перешел на тему феноменологии и в особенности Гуссерля. Иногда он задавал мне как бы полувопрос, но, не дожидаясь реплики с моей стороны, продолжал свой монолог. Тут я должен повиниться в страшном грехе. Будучи выпускником кафедры истории зарубежной философии МГУ и многолетним преподавателем на ней же, я специализировался на ранней философии до XX века и именно американской. Гуссерль был на периферии моих интересов и глубинных познаний. И тут такое: Лосев пытается включить меня в обсуждение Гуссерля. Я готов был вывалиться из кресла и провалиться сквозь землю. Как студент-двоечник я бледнел, краснел и прыгал на раскаленной сковородке. Лосев, видимо, оценив ситуацию перешел к рапсодическому, на распев, повествованию о философии Гуссерля. Взгляд Алексея Федоровича уходил поверх голов, присутствовавших в перспективу космоса и всего мироздания. Через два часа его монолог завершился. Аза Алибековна одобрительно оценила портрет, сделанный Антоном, и аккуратно подвела руку Лосева к полагающемуся месту для автографа. Лосев расписался. Портрет получился замечательным. Много позднее Музей-квартира А.Ф. Лосева устроил выставку работ Антона, включая, конечно, и портрет самого Лосева.

После окончания Суриковского института Антона приняли в Творческую мастерскую графики Академии художеств, которой руководил известный график О.Г.Верейский. Мастерская включала молодых художников («постдоков» как сказали бы сегодня), которым предоставляли прекрасные мастерские в Неопалимовском переулке в самом центре Хамовников стена к стене с Академией художеств. Три года, таков был обозначенный срок, молодые художники совершенствовали свое мастерство в самом эпицентре художественной жизни Москвы.

Антон Куманьков за работой. Фото из архива семьи Куманьковых

Большой интерес к творчеству Антона проявил и созданный в Москве Российский детский фонд. Фонд направил молодого художника в подмосковное Внуково, где находился подшефный Фонду детский дом. Так началось создание большой серии детских портретов, которая впоследствии получила название «Чужих детей не бывает». Она состояла не только из портретов детдомовцев, но детей самых разных слоев тогдашнего российского («советского») общества. Но, что удивительно, в конце 1980-х этот монументальный художественный проект переметнулся и за Атлантику, в США. Антона Куманькова пригласили в Америку со своеобразным портретным туром по школам и детским картинным галереям Вермонта, Миннесоты и столицы США Вашингтона. В поездке художник работал, что называется, с утра до ночи, создавая портретную галерею американских детей и одновременно показывая уже созданные портреты российских детей. Это художественная и смысловая интеграция двух сюжетных линий приобрела буквально на глазах свое актуальное значение. Ее внутренним лейтмотивом стал гуманистический лозунг «Дети всех стран, объединяйтесь».

Наташа и Пиф. 1984

Jaison Emilo. 1987

Мои друзья из детского дома.
Хорольский Андрей и Репин Дима. 1987

На следующий год вновь последовало приглашение из США. На этот раз Антон открыл свою выставку под Нью-Йорком в художественной галерее штаб-квартиры корпорации Пепсико. Теперь проект детских портретов получил и свое английское название – “No Children in the World Are Strangers”. После завершения показа в Нью-Йорке последовал тур по городам США. Патронаж над искусством Антона подхватила и компания Старки Лабораториз, крупнейший в мире производитель слуховых аппаратов. Ее интерес к творчеству молодого художника был понятен. Это был ярчайший пример преодоления с помощью искусства, казалось бы, непреодолимого недуга.

Adam Raleigh. 1980

К середине 1990-х окончательно сформировалось жанровое поле работы Антона Куманькова. Первостатейно выступала серия портретов выдающихся российских деятелей культуры. Затем звучала продолжавшаяся серия портретов «Чужих детей не бывает». Развивалась вовлеченность Антона и в иллюстрирование книжных изданий – российской и зарубежной классики, современных авторов. Наконец, талант художника раскрылся и в больших станковых листах, созданных по мотивам путешествий в Грецию, Турцию,

Францию. Упомянем и раскрытие таланта художника в сфере театральных декораций. Все чаще и чаще его стали приглашать на оформление постановок классических пьес в театры Москвы, Паневежиса, Вроцлава. И еще, конечно, нельзя не упомянуть любовь Антона к любимым собакам, что нашло свое отражение в его анималистической графике.

Постепенно ширилась популярность Антона в России. Резонансным оказался прекрасно изданный альбом портретов «Благослови детей и зверей».

Такова жизнь. C'est la vie! 1991

Весёлое трио. Шуша, Жуня и Чича. 1991

Одна за одной следовали премии: ежегодная премия журнала «Смена» (1985, 1986); Премия Британского совета за лучшее оформление английской литературы (1997); Диплом Академии художеств России (2002); премия «Общественное признание» в номинации «Человек года ЦАО».

Так все и шло в жизни Антона Куманькова... Активная работа в графике, многочисленные выставки, важные контакты в среде творческой интеллигенции в России и во многих странах мира.

Была ли окончательно преодолена трагедия изначальной и полной потери слуха? Трудно сказать. Это сложная тема. Сегодня можно лишь строить предположения. Сам художник никогда об этом не говорил. И даже члены семьи не могли с достоверностью ответить на этот вопрос.

На выставке. Фотография из архива семьи Куманьковых

...Наступило лето 2010 года. Москва. В августе на город обрушилась аномальная и запредельная жара и густая удушливая дымовая завеса. Жители были в панике, никто не знал, что делать и как поступать. Гулять на воздухе или запереться в доме? Обкладывать себя льдом и поступать как-то иначе? Началась череда смертей от гипертермии, «закипания мозга».

2 августа 2010 года Антон Куманьков доставили в реанимацию Первой градской больницы. На утро 3 августа Антона Куманькова не стало.

Его похоронили на кладбище в селе Мелихово, близ усадьбы А.П.Чехова. Антон при жизни очень любил это место, много работал в музее, участвовал в чеховских театральных фестивалях...

Драма. Преодоление рока судьбы. Триумф творчества. Трагический уход. Будем помнить. Это то немногое, что мы можем сделать. Память.

Натюрморт. 1997

The Drama of Artist Anton Kumankov's Life: Overcoming and Leaving or "I Hear the Color"

Nikita Pokrovsky, Doctor of Letters in Sociology, Professor, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), npokrovsky@hse.ru

One of the past issues of *Metamorphosis* published an article dedicated to the memory of Moscow urban artist Evgeny Ivanovich Kumankov. The new essay is devoted to the life story of his son - Anton Evgenyevich - who also, like his father, connected his life with painting. His brother, Nikita Pokrovsky, tells about the complex fate and difficult creative path of Anton Evgenyevich.

Keywords: Anton Kumankov, memory, destiny, art, grafics

For citation: Pokrovsky N.E. (2025) The Drama of Artist Anton Kumankov's Life: Overcoming and Leaving. Or "I Hear the Color" // *Metamorphosis*. Vol. 9. N. 3. P. 127-144.

Date of receipt: 15.02.2025.